Ранние вещи
(статьи, новеллы, эссе, стихотворения)

SOVLAB

1961 - 1966

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ

Артикул 2438-р

Цена 5 коп

SOVLAB

Заблудшая овца. (Об одной душе).

1

В минуты раздумий меня всегда тянет к воде. Будет это море, пруд или лиственный жёлоб, по которому вода с шумом устремляется к колодцу - мне одинаково хорошо... И почти весь тот день я провёл у реки, наблюдая смену цветов её. Зеленоватая днём, она к вечеру темнела, а солнечный закат окрашивал её в [redacted] алый цвет.

В такие часы рождаются новые мелодии, образы, рифмы; их схватывает острый разум, отливает в чёткие и совершенные формы. (В этом состоянии можно пребывать часами, не чувствуя времени).

Когда я вернулся из далёких миров и взглянул на часы, было уже довольно поздно. „Пора идти домой спать", подумал я и поднялся. Неподалеку от меня ещё с утра неподвижно сидел человек. Он сидел на камне и поза его немного напоминала „Мыслителя". „Повидимому, он наркоман", пронеслось в голове и чтобы проверить догадку я подошел к нему. На земле валялись ампулы. Свет фонаря отражался от металлических частей шприца. К игле пристали крошки земли. [redacted] На земле рядом лежала толстая кожаная тетрадь, на обложке которой было аккуратно выведено „Гадевиск". Я взял тетрадь....

И всё время пока я читал, перелистывая страницу за страницей, меня не покидало щекочущее чувство (смесь интереса со стыдом), которое мы всегда испытываем, заглядывая в чужую душу. [redacted]

Было тихо и прохладно. Фонарь потух. Светало.

2

„Любопытство? Я родился в замечательное время. Всё загадочное объясняется наукой. Как природа ни старается скрыть свои последние тайны, нет никакого сомнения в том, что и они будут разгаданы мощным человеческим разумом. Вот и всё. Все мои представления о мире, который был до некоторого времени ясен и прозрачен вдруг

SOVLAB

1

до ломоты в затылке.

SOVLAB

Я верил, что в человеческом обществе царит такой же разумный порядок, как и в животном мире. Но вот, однажды, придя домой я услышал нечто неслыханное и пугающее. Передо мной стоял человек примерно моих лет, который уставившись отрешенным взглядом куда-то, говорил, обращаясь повидимому ко мне: 2.

„Ночью люди спят. Это хорошо успокаивает и отвлекает от страшных мыслей. А кто не спит, тому являются видения. Тревожная тишина вибрирует. Вдруг из радиоприёмника слышится: семь-один-семь-три-один... четыре-пять-ноль-один-пять. Это враг. В его голосе страх и отчаяние. Вокруг гладкие влажные камни. Туман. Преследователи приближаются. Он сидит прикрывшись курткой и кричит с надрывом: семь-восемь-семь-два-один... Его ждёт смерть. Небытие. Приказ надо выполнить. Три-ноль-два-три-шесть. Слышен лай собак. Цепкие пальцы фонарей обшаривают темноту. Пора бежать. Есть возможность прорваться. Но надо прежде выполнить приказ. Девять-один-восемь-семь-три... три-четыре-семь-пять-три... Может уже стартуют ракеты? Земля в огне. Слабый крик последнего из людей. Конец...

Четыре-ноль-пять-ноль-пять... девять-шесть-четыре-один-два. Враг пророчит гибель. Себе и нам. Но он обречен. К нему уже подходят неумолимые шаги. Ноль-ноль-ноль....."

Когда я пришел в себя и вгляделся в черты человека, стоявшего передо мной, то мне показалось, что это лицо очень знакомо. Просто оно искажено страхом до неузнаваемости. Это длилось мгновение. Потом в сознании вспыхнул свет. Я понял.....

Я стоял перед зеркалом. [Третьего не было. Зелёный глаз приёмника бесстрастно светился].

Выбор. Совсем недавно мир казался мне ясным. Ничто не смущало разум. Но вот я услышал звуки, доселе мне незнакомые. Дикие звуки. Страх вызвал любопытство и заставил познать. (Познание началось из-за любопытства). Я еще не знал пути и долгими часами думал, глядя на солнце.

Учитель явился мне впервые, когда я сидя на берегу моря следил за догоравшим солнцем. Сперва до меня донесся противный запах овечьей шерсти, потом я повернулся и увидел его величавую фигуру. Может быть он был тщедушен и только бурка придавала ему столь грозный вид, но я помню первое чем он меня ошеломил — это величавостью и мудрым спокойствием, горящим ровным огнём в животных глазах. „Солнце ослепляет тебя и нежит теплом своих лучей. Только лишения вернут заблудшего на истинный путь и звёздное небо осветит дорогу. Приходи в полночь к подножью горы. Я буду там со стадом."

Наступил вечер и я пошел туда. В голове навязчивая мысль: „Всё решится сегодня. Сегодня всё решится."

Гора хмурилась тёмной громадой. Внизу лаская прибрежный песок пело море — извечную, недоступную человеческому слуху песню.

Пастух сидел прямо как палка и глаза его горели в темноте. Мне почудилось, что на голове у него....

Я сел рядом с ним и вдыхая горький запах травы, вглядывался в неисчислимые миры. Я умер и душа ~~[illegible]~~ странствовала далеко-далеко.

Wiedergeburt.

Вверху, вокруг, везде была та,
Которая всегда притягивала людей;
Которую они назвали богом;
Из лона которой человек появился
И в лоно которой возвращается —
Бесконечность, Вселенная.

Глаза на бесстрастном лице Медузы вопрошали:
„Хочешь познать меня? Так ли зорки глаза твои?"

Душа вернулась и я очнулся. (Я родился вновь). Я был наг и ноябожен. ~~[illegible]~~

И тогда прозвучал глухой голос учителя, который согрел меня.

SOVLAB

„Возьми мою палку и иди к светилам. Она поддержит тебя когда устанешь, а в мешке, который я тебе даю, всегда найдешь кусок хлеба и бутылку родниковой воды. С людьми не заговаривай. Опасайся женщин, а пуще — гордыни.
Но хочешь ли ты идти?"
Спрашивать меня было уже поздно. Я бросил жребий... нет, выбрал...
Молча взял палку, (заплечный) мешок и зашагал по каменистой тропе.

Извлечение. „— Но, преподобный отец, — сказал Кандид, — ужасно много зла на земле.
— Так что же? — сказал дервиш. — Кому до этого какое дело? Когда султан посылает корабль в Египет, заботится ли он о том, хорошо или худо корабельным крысам?
— Что же делать? — спросил Панглос.
— Молчать, — сказал дервиш."
Вольтер.

Искушение. Долог и труден мой путь. Ноги ободраны и болит всё тело. Я присел отдохнуть. И откуда ни возьмись прилетел рой жалких нелепых мыслей обреченных людей. Мне было жутко и смешно их слушать.
„— Это странно, что вступая в 1486 год существования нашей цивилизации[1], большинство людей надеется на возможность предотвращения неумолимой гибели. Смерть уже дышит нам в лицо!
— Спокойно. Войны-то никто не хочет.
— А она придёт сама. Войдет не постучавшись.
— Во всём важен научный подход к проблеме. Будет научный подход — проблема будет решена. Итак, об основном объекте наших

[1] Дата падения З. Римской империи — 476 г. н. э. Военачальник — варвар Одоакр свергнул последнего императора Ромула Августула.

SOVLAB

размышлений и я бы сказал даже - опасений. Факт гибели египетской, ассирийской, греческой etc. цивилизаций налицо. Упадок - отправное звено, 5. гибель - конец цепи. (Следите за мыслью). Вами цивилизация пошла по ложному пути, то дороги истории её неизбежно приведут к пропасти, верней, цивилизация сама выбирает себе дорогу, ведущую к пропасти, по которой она мчится с устрашающей скоростью.

- Война принесёт пользу! Она родит новый Мир!"

Когда этот бой стих и они уставились на меня в надежде, что я зарежусь их болезнью, от которой жизнь (и сердце) сжимается и обмякивается, я встал и не сказав им ни единого слова пошел вперёд, протягивая правую руку, чтобы не наткнуться на встречную мысль.

Я шёл зорко вглядываясь в полоснувшую меня темноту.

Гордый дух. Однажды идя по улице, мне показалось, что тяжесть оттягивает карман. Я опустил руку и достал книжечку в пурпурной обложке. Она горела перед моими удивленными глазами кровавыми пятнами. Когда пальцы нетерпеливо протянулись, чтобы её раскрыть, они встретили сопротивление. Неведомая сила мешала мне сделать это. Мне показалось, что я слышу дыхание и чувствую запах овечьей шерсти. Усилием воли я отогнал наваждение и раскрыл книгу...

"Человек есть нечто, что должно превозмочь."

Действие этих слов произвело впечатление внезапного удара. Я прочёл великую Книгу и впервые осознал цель своего бытия. С раннего детства убивали во мне человеколюбие, гордость, жестокость, эмоции. Долго стыдился я этого природного дара. Но теперь долой! Долой добродетели "мерзавцев человеков": послушание, скромность, альтруизм, самопожертвование и прочие заповеди религии рабов. Бога нет.

Я - Бог!

Я должен овладеть умами и властвовать. Власть - возвращение мне моё зеркало. Я вижу себя идущим к людям. Я благословляю мудрость разум мужчины и чувственность женщины, (оставляя её поклo-

няться, милому её сердцу богу - Приапу). Я примиряю рабов и радую сильных. Я перестраиваю старый мир...

Der Wahn ist kurz, die Reu' ist lang.

Женщина. Я очнулся в саду. Над пустынной аллеей розовело тёплое утро. Строгие чистые линии кипарисов стремились к небу. Природа приобрела необычно одухотворенный вид. ~~[illegible]~~). В этой гармоничной картине нехватало одной решающей детали, одного существа...

Она появилась в конце аллеи. Упругие мощные бёдра плавно несли молодое тело и я понял, что в её лоне, оплодотворенном мной, зародится жизнь Бога - наследника. Мой взгляд подчинил её и женщина безвольно дала себя унести потоку моих объятий.

Во сне я видел, как на её теле, покрытом золотистым пушком, играли солнечные лучи, празднуя утро.

Когда я открыл глаза и взглянул на голову, которая лежала на моей руке, то вначале растерялся... Она повернулась на бок и мягкое несвежее тело привалилось ко мне, лениво, со знанием дела. „Ну как, отдохнул неугомонный?" спросили вялые губы. Я отполз, орудуя руками и ногами, пытался зарыться лицом в землю, но она враждебно отталкивала меня. „Кто вы?" закричал я. „Я - служанка богини Венеры, которая провела с тобой ночь. Она улетела на заре и оставила меня беречь твой сон, полагая что ты щедро вознаградишь меня."

Связь с этой женщиной показалась мне не такой кошмарной. Она была практична и, вдобавок, знала мифологию.

(Здесь я пропустил несколько страниц и прочел последние слова):

Конец. Я забыл слово Учителя и погибаю. Запах моря не доходит до ноздрей, уши не слышат движения вещей. Глаза закрыты темной пеленой. Им недоступен свет звёзд. Будь проклято измученное тело и бесплодно тикающий мозг.

Пора остановить механизм...."

SOVLAB

Стало светло. Выглянул красный глаз солнца. По земле побежали тени. 7.
Я захлопнул тетрадь, полную жутко знакомого бреда. Она упала в реку и вода сомкнулась...

Нужно было жить несчастному добраться домой. Я взвалил его труп на плечи – от него пахло овечьей шерстью. Путь был долог и труден. Почему-то вспомнились слова: „Только лишения вернут заблудшего на истинный путь и звёздные небо осветит дорогу."
Страшно хотелось спать. Я закрыл глаза.

[redacted].

3.6.61 - 19.2.63

SOVLAB

Ат.

1

„Смерть в Венеции" Т. Манна

Essay

Посвящается девяностолетию со дня рождения писателя.

Т. Манн принадлежит к числу писателей, получивших прижизненное признание. Современники поняли и оценили значение его творчества. 10 лет отделяет нас от простого физического факта смерти великого немецкого писателя и мыслителя. Однако, мы, новое поколение, с радостью открываем в его произведениях новое, близкое, непреходящее и изменчивое. Словом, рядом с нами существует Т. Манн 1965 года.

1

"Смерть в Венеции" была написана в 1911-ом и опубликована в 1913 году. В этих датах содержится прямое указание на пророческий характер произведения. Во время путешествия по кругам критики, открывается ряд проблем, затронутых новеллой: старая добрая проблема взаимоотношения артистизма и бюргерства (Künstler - Bürger - Problematik), без которой не обходится ни одна работа о Т. Манне; проблема отчуждения от жизни, декаданса буржуазного художника. Более конкретные характеристики указывают на предчувствие гибели буржуазной культуры, верно намекая на личность Фр. Ницше. Моя работа не ставит перед собой столь важных задач. Она прослеживает и комментирует ~~основную~~ исходную мысль, основную проблему, вложенную писателем в новеллу:

SOV LAB

проблему моральной сомнительности художника, вытекающей из его отношения к красоте. Недаром Т. Манн вводит античные реминесценции, утверждая исконный характер вопроса. Частица Ашенбаха есть в каждом подлинном артисте - таков недвусмысленный вывод. Походя затронем и недостойную внимания деталь: отождествление А. с Т. Манном. Писатель признаётся: „И всё-таки меня не раз болезненно задевал сенсационный характер этого интереса, связанный с патологичностью сюжета. Не отрицаю: патология возбуждает и всегда возбуждала во мне живейший интерес, однако чисто духовного порядка."[1] Не надо очень хорошо знать писателя, чтобы понять: используя конкретные эпизоды, эпизоды подчас и личной жизни, Т. М. походит на своего Иосифа, который внимая наставнику Элеазару и всматриваясь в него, проникал взглядом в обманчивую даль времён, в глубины повторяющихся, обновляющихся человеческих судеб. Патология как средство очищения породила „Исповеди" Ж.-Ж. Руссо и Л. Толстого. Т. М. перенёс её в сферу идей и совершил творческий и человеческий подвиг. Это освобождение дало жизнь его „волшебным горам": „Волшебной горе", „Иосифу и его братьям", „Д-ру Фаустусу."

2

В творчестве крупнейшего романиста начала 20-го века, новеллистика занимает относительно скромное место. ~~Они~~ Новеллы играют роль вариаций, набросков (studie), завязок одного из больших романов. Исключение: „Тонио Крёгер" (1903) и „Смерть в Венеции." Их самостоятельность, писатель часто и с удовольствием называл оба произведения „маленькими романами," нарушает прямолинейное согласие между романами и новеллами, раскрывает органичность (целостность)

---

[1] Т. Манн "Предисловие к папке с рисунками."

SOVLAB

всего творчества Т. М. любящий пояснять, писатель, в этом он тоже близок к Гёте, заявляет в „Очерке моей жизни": „... ибо я люблю порядок как согласную с природой и глубоко закономерную непроизвольность, как действующее в тишине устроение и насыщенную соотношениями ясность творческого плана жизни. Вот почему я нахожу удовольствие в том, как в моём плане оба самые значимые мои рассказа соотносятся с большими романами и эти романы друг с другом, „Тонио Крёгер" соответствует „Будд.", „См. в Венеции" - „Волшебной горе", а последняя, в свою очередь, является точно таким же художественным коррелятом романа 25-летнего автора, как история любви в Венеции - новелле о юноше-северянине."

Мы видим, таким образом, единое творческое здание, пронизанное лейтмотивами, которые с любого места проведут желающего (да помогут ему уши и глаза) по всем этажам.

3

Преклонение молодого Т. М. перед Шопенгауэром, Вагнером и Ницше, диктует ему неприязнь к великому баварцу - гуманисту Гёте. Равнодушно-неприязненное отношение к Гёте обнаруживается в этюде о Шиллере /1905/, а в „См. в Венеции" прорывается в нескольких местах, правда, имя не названо.

К примеру, Т. М. в связи с личностью А. упоминает о „моральной безразличии природы". После долгих поисков, мне посчастливилось найти в фундаментальном эссе „Гёте и Толстой" (1922) разъяснение. Комментируя высказывание некоего наблюдателя: „Он великий, не будучи милок!", Т. М. восклицает: „Но терпимость без мягкости, черствая терпимость - это что же такое? Да ведь это бесчеловечная леденая безучастность, это нечто либо

божественное, либо дьявольское..."

4 И говоря о блаженном иге публичности, доверии общества, блеске и почёте, которые диктуют свои законы, Т. М. как зачарованный опять возвращается к Гёте. „Лишь вечное бродяжничество находит всё это скучным." Не без лукавства сталкивает автор буржуазного писателя, тайного советника Иоганн Вольфганг фон Гёте с непрекаянным пророком Ницше. Обманчивость блеска и славы подчеркивает крушение Ашенбаха. Вспоминается неудача с У. фон Левецов.

Неисповедимы пути творчества! Влияние Гёте на Т. М. будет расти из года в год, но столь редкая привязанность одного писателя к другому, столь благоговейное преклонение, будет разбавлено каплей неприязни, породившей интерес и любовь.

4

„Смерть в Венеции" - одна из первых попыток художественно переработать идеи Шопенгауэра, Вагнера, Ницше, предвосхищение темы „Волшебной горы", как уже было сказано. Мы знаем, что эти 3 имени стоят у колыбели „Будденброков": „... испытывая разные литературные влияния и прежде всего влияние Вагнера, он пытался создать прозаический эпос, в который хлынули многочисленные, отнюдь не любекские, духовные впечатления, потрясшие его 20-летнюю душу: музыкальный пессимизм Шопенгауэра, декадентская психология Ницше..."[1] Однако, художественность удержала верх и передний план - история гибели старого купеческого сословия является идеей книги, о чём можно прочесть во-

[1] Т. Манн „Любек как форма духовной жизни."

бай хрестоматии. В „Сл. и В." эксперимент был произведен в подходящих, заботливо очерченных границах. Герой более яркая, банкирианская натура. Если добропорядочный бюргер Томас Будденброкк тонит вспышку шопенгауэровского чтения на дно памяти и это впечатление трансформируется в засушенный мотив смерти, то писатель Густав Ашенбах, человек с особенно развитым чувством прекрасного, окунается в затхлую атмосферу и умирает в поле зрения красоты, гибнет от бессмысленности её, словно выполняя долг.

Большое значение в произведении играет, мне кажется, место ~~(произведения)~~ действия.

5

Стендаль, описывая любовь на юге, начинает главу „Путешествие в неведомую страну" своей наименее читаемой книги, следующими словами: „Большинству людей, родившихся на севере, я советовал бы пропустить настоящую главу. Это тёмная диссертация о некоторых явлениях, касающихся апельсинового дерева, которое растёт или по крайней мере достигает своей естественной величины, только в Италии и Испании. Чтобы быть понятым в других странах, мне пришлось бы преуменьшить факты.

Фридрих Великий или какой-нибудь другой выдающийся северянин, никогда не имевший случая видеть апельсиновое дерево, растущее на открытом воздухе, конечно, станет отрицать, и притом искренне, излагаемые ниже факты."[1]

Автор мощной и ясной эпопеи о Фридрихе Великом (автобиографический штрих![2]), норвежский писатель Кнут Гамсун

[1] Стендаль „О любви". [2] Т. Манн хотел посвятить „старому Фрицу" большой роман. Следы этого увлечения являются эссе „Фридрих и Великая коалиция".

прибывает из своего сумрачного поместья, где он кормил ворон, обитавших в соснах, в Венецию. (Северянин - писатель на юге - это Фауст в Древней Элладе.).

Венеция! Для европейца это исключительное место, выход в открытый мир, символ красоты новой цивилизации - христианской, город бессмертной страсти мавра, город романтический par excellence. Неоднократная хвала раздавалась ей - столице тайн любви и смерти - в литературе: от Шекспира до Эдгара По, Габриеля д'Аннунцио. Теперь она тихо умирает, увяла красота. Венеция - молодящийся старец, но её испарения привлекают некоторые души. Вероятно, Т. Манн не раз вспоминал слова философа - поэта „в котором романтизм 19 века преодолел сам себя"[1]: „И когда я говорю: по ту сторону Альп, я собственно говорю только о Венеции, когда я ищу другого слова для музыки, я всегда нахожу только слово Венеция. Я не умею делать разницы между слезами и музыкой - я знаю счастье думать о Юге не иначе, как с дрожью ужаса."[2] Сначала А. чужд столь безоглядному растворению, его скорее характеризует сторонящийся болезненного выражения, гуманистический склад ума. Запах гнили, - атмосфера стоячих вод Венеции, - вредна здоровью А. В первый раз он вынужден был поспешно, словно спасаясь бегством, покинуть город. И вот перед ним, презревшим телесное здоровье, Вновь-увядшая красавица Венеция, где закончилась, наполненная упоением гибелью (Untergangswollust) жизнь Рихарда Вагнера. (В тот священный час была закончена последняя глава "Заратустры.").

---

[1] Т. Манн „Любек как форма духовной жизни."
[2] Friedrich Nietzsche „Ecce homo."

SOVLAB

С начала путешествия А. ощущает беспокойство:
7 „Ihm war, als lasse nicht alles sich ganz gewöhnlich an, als beginne eine träumerische Entfremdung, eine Entstellung der Welt ins Sonderbare um sich zu greifen, der vielleicht Einhalt zu tun wäre, wenn er sein Gesicht ein wenig verdunkelte und aufs neue um sich schaute." (S. 471). Поведение странные фигуры. Слишком услужливый, слишком учёный чиновник с козлиной бородой, похожий на дьявола, отправляющего по одному ему ведомым маршрутам, намеренно дразнит воображение писателя:
„Ah, Venedig! Eine herrliche Stadt! Eine Stadt von unwiderstehlicher Anziehungskraft für den Gebildeten ihrer Geschichte sowohl wie ihrer gegenwärtiger Reize wegen." (S. 470).
В спокойном состоянии, А. посмеялся бы над эрудицией мелкого чиновника, теперь же посланные сомнения дорисовывают контура и рога. Поездка А. не предпринята ради стремления к покою. Это бегство от ежедневной изнуряющей творческой работы.

6

Противоречие сурового дисциплинированного отцовского начала и мечтательного, южно-романтического материнского, родит А. с Гёте, Ницше и самим автором.
А. - нервный художник, работающий на грани изнеможения. Железная обессиливающая дисциплина (кулак, а не разжатая ладонь.) заставляет совершать утренние жертвоприношения на алтарь искусства. „Aschenbach hatte es einmal an wenig sichtbarer Stelle unmittelbar ausgesprochen, daß beinahe alles Große, was dastehe, als ein Trotzdem dastehe, trotz Kummer und Armut, Verlassenheit, Körperschwäche, Laster, Leidenschaft und tausend Hemmnissen zustande gekommen sei." (S. 464).

SOVLAB

Йоэтаму, излюбленный герой А. - мужчина юношеского типа, держащийся смело и нравственно и, несмотря на стрелы пронизывающие тело, не теряющий очаровательной осанки. Словам, святой Себастьян, прославляющий героизм слабости. С помощью символа, А.М. раскрывает биологический упадок ашенбахова искусства, немочи, черпающей силы из глубин духа: „... die liebenswürdige Haltung im leeren und strengen Dienste der Form; das falsche gefährliche Leben, die rasch entnervende Sehnsucht und Kunst des geborenen Betrügers..." (S. 465). Правда, теперь в творчестве А. после отказа от моральных сомнений молодости, наступил "классический" (Goethe) период, когда стареющий писатель почувствовал чрезмерное усиление чувства прекрасного и усладил читателей ясными звуками аполлоновской лиры.

Как же изменил упомянутый переворот личность А. и сущность его искусства? Возвратимся в Венецию.

Реальных лиц (дряхлый фат, гондольеры, бродячие певцы, служащие отеля) А.М. превращает в гиперболизированно жуткие маски. Они служат созданию разреженной атмосферы лаборатории, в которой могут происходить алхимические превращения. В этой лаборатории, в дышащем смертью городе писатель Густав Ашенбах был застигнут врасплох любовью. Зарождению и кристаллизации её посвящены поэтические строки. Особенно хорошо место, где А. при первом появлении Тадзю, размышляет об абстрактных, трансцендентных вещах, потом о таинственной связи закономерного и индивидуального, создающей человеческую красоту и будто притянутый за невидимую верёвочку (am Narrenseile von der Passion geleitet), приходит в своих размышлениях к общей проблеме формы и искусства. (В одном предложении - весь план новеллы.)

Запретная страсть (die Begierden der Schlechten und Wertlosen) Ашенбаха на всех этапах окрашена смертью. Буквально на

первой странице, А. разглядывает надписи над входом в церковь, касающиеся потусторонней жизни и мотив смерти звучит вплоть до конца. Интерес Т. М. к взаимоотношениям любви и смерти (delikate Zusammenhänge zwischen Tod und Liebe), во многом результат влияния „Тристана и Изольды" Р. Вагнера. В новелле „Тристан" - вариации на вагнеровскую тему, писатель излагает примерные границы „тристановского" комплекса, если можно т. выразиться.

Жизнь - вечная противоположность и враг красоты.

Беря посвящённую смерти, усталую, пугливую, цветущую в благородной непригодности красоту в обыденное услужение природе, жизнь принижает её до безобразия, т.е. уничтожает. При виде красоты не место физическим земным желаниям (Vgl. Phaidros). Тристан и Изольда - 2 силы, стремящиеся в страданиях и блаженстве друг к другу и сливающиеся в сумасшедшем, восторженном вожделении к Вечному. Прославляя мистическую вечную любовь, писатель восклицает: „O überschwenglicher und unersättlicher Jubel der Vereinigung im ewigen Jenseits der Dinge! Des quälenden Irrtums entledigt, den Fesseln des Raumes und der Zeit entronnen, verschmolzen das Du und Ich, das Dein und Mein sich zu erhabener Wonne." „Starb je die Liebe? Tristans Liebe? ... Oh, des Todes Streiche erreichen die Ewige nicht! Was stürbe wohl ihm, als was uns stört, was die Einigen täuschend entzweit?"

В свете вышеизложенного, мы понимаем, почему остаётся А., несмотря на вред, приносимый атмосферой Венеции, несмотря на вспыхнувшую эпидемию.

Ему открывается нечто древнее, исконное в своей противоестественной страсти.

SOVLAB

10 И мерный как ритм океана Вечности слышится в речи гекзаметр: „Nun lenkte Tag für Tag der Gott mit den hitzigen Wangen nackend sein gluthauchendes Viergespann durch die Räume des Himmels, und sein gelbes Gelock flatterte im zugleich ausstürmenden Ostwind." (S. 498). Возвращенные вечные образы видятся Ашенбаху в лице Тадзиу: Ганимед, Гиацинт (Гиакинф), Гермес - психагог и бог-повелитель - Эрос. Перенося красоту Тадзиу в духовное, А. восхищён точностью мысли, воплощенной в прекрасном юношеском теле. Не она ли, стройная форма, которую А. подобно творцу освобождал из мраморной массы языка и представлял как изображение и зеркало человеческой духовной красоты, не она ли воплощена в Т.? Месть подавленной чувствительности (Rache der geknechteten Empfindung), а потом и неистовая страсть подталкивают служителя ясной аполлоновской музы на первые шаги навстречу к „чужому богу", которого он всегда боялся, видел внутренним оком. Обезоруженный близостью неизмеримой первобытной стихии, А. закрыв глаза прислушивается к вакхическому пению в своей груди: „... er war wie Dichterkunde von anfänglichen Zeiten, vom Ursprung der Form und von der Geburt der Götter." (S. 490). Сон А. - ужасающая картина первобытной вакханалии, представленная грубо-осязаемо; и мы видим А. - падшего мученика, участвующего в непристойно-чувственных ритуалах культа Диониса, будто для того, чтобы понять слова кумира Т. Манна: „Теперь вообразим себе, что в этот мир (аполлоновской культуры - Прим. ДМ), искусственно построенный на иллюзии и ограничении, проникли исступленные звуки дионисовских празднеств с их манящим очарованием, что в этих звуках выразилась вся чрезмерность природы в радости, горе и познании, доходя до раздирающих сердце криков: подумаем, что мог

SOVLAB

значить, в сравнении с этим демоническим хором народных голосов, поющий мимы художник Аполлона, с заглушаемыми звуками его лиры!"[1]

Основу моральной сомнительности А. и закономерный характер его гибели, Ф. М. выводит в психологической интерпретации „Федра" Платона: Красота любезна и видима одновременно. Она единственная форма духовного, которую мы можем воспринять чувственно. Schönheit ist sichtbar, ist also des Sinnlichen Weg, der Weg des Künstlers (des Fühlenden) zum Geiste. (S. 534). Приобретает ли мудрость и мужское достоинство тот, чей путь к духу ведёт через чувства? Или это опасный и греховный путь, ведущий с необходимостью в ложную сторону? „Denn du mußt wissen, daß wir Dichter den Weg der Schönheit nicht gehen können, ohne daß Eros sich zugesellt und sich zum Führer aufwirft; ja, mögen wir auch Helden auf unsere Art und züchtige Kriegsleute sein, so sind wir wie Weiber, denn Leidenschaft ist unsere Erhebung, und unsere Sehnsucht muß Liebe bleiben, - das ist unsere Lust und unsere Schande." (S. 534). Автор сомневается в моральной решимости по ту сторону знания - анализирующего, решающего, сдерживающего. Подобная решимость кажется Ф. М. нравственным упрощением души, а поэтому усиление тем к злому, запрещённому, к нравственно невозможному - неизбежно.

„Und hat Form nicht zweierlei Gesicht? Ist sie nicht sittlich und unsittlich zugleich, - sittlich als Ergebnis und Ausdruck der Zucht, unsittlich aber und selbst widersittlich, sofern sie von Natur eine moralische Gleichgültigkeit in sich schließt, ja wesentlich bestrebt ist, das Moralische unter ihr stolzes und unumschränktes Zepter zu beugen?" (S. 467).

---

[1] F. N. „Geburt der Tragödie."

SOVLAB

12 Однако, сам Т. М. не согласен с Сократом, хотя во время чтения нам кажется, что автор разделяет его идеи. Фр. Ницше, назвавший Сократа „первым декадентом", объявил „сократизм мораль, диалектику и довольство теоретического человека ..... признаком упадка, усталости, забалтывания, утратившим гармонию первобытных инстинктов."[1] Великий гуманист 20 века Т. Манн кружением Ашенбаха (Сократа) подчеркивает, что отвлеченное теоретизирование без пристрастной горячей любви к человечеству может привести в плен к варварству. В этом смысле, „См. в. Венеции" - очищение. В 1925 году он уверенно пишет, определяя задачу „Волшебной горы": „... её служение - служение жизни, ее воля - здоровье, ее цель - будущность."[2] Осудив раз и навсегда эстетизм, превозносящую красоту и расовое превосходство шушику, Т. М., предчувствуя тяжкие годы испытаний, освободился от сомнений. Годы 2-ой мировой войны прославили писателя как замечательного представителя лучшей Германии. „У Гитлера было одно особое качество: он упрощал чувства, вызывая непоколебимое „нет", ясную и смертельную ненависть. Годы борьбы против него были в нравственном отношении благотворной эпохой", писал Т. М. в „Истории „Д-ра Faustus".

И „Смерть в Венеции" навсегда останется первым сигналом о приходящей фашизма, чуть не погубившего Германию.

Д. Данишанидзе.
9.1.-24.6.1965.

[1] F.N. Geburt der Tragödie.
[2] Т. Манн „О духе медицины."

SOVLAB

З. Фрейд Из истории одного детского невроза

Если бы и у человека существовало инстинктивное знание, то не было бы ничего удивительного в том, что преимущественно касалось бы процессов сексуальной жизни, хотя никоим образом не ограничивалось бы только ими. Это инстинктивное составляло бы ядро бессознательного, примитивную душевную деятельность, которая впоследствии низвергается с трона и закрывается развивающимся у человека разумом; но часто оно, быть может, у всех сохраняет способность претендовать к себе высшие душевные силы.

ДМ

Карл (Essay).

— Январской ночью я шёл по забытой улице.
Из под кожи линяющих домов виднелась кладка - плоские квадратные кирпичи. Прутья балконов, выступавших из глухих стен сплелись прочной решёткой. С любовью к порядку и спокойствию повторялся в её черных квадратах один и тот же узор. Это ласкало глаз, как часовые с ружьями.

Вдруг змеиная извилина - росчерк, закрученный кверху, напомнил о дерзости, о вольной фантазии другого.

Внезапное впечатление вызвало смутные воспоминания, которые зыбко струились и прояснялись медленно - подобно каплям, оседающим на стенках сосуда с кипящей водой. Капли бежали по коридорам памяти, сливались с другими, и прозрачная струя их омывала уставший мозг светлыми причудливыми видениями.

— Город, в одном из домов которого спал Карл, был расположен в темноте. Тело города вспарывали улицы, по ним бегали усталые пыльные насекомые, развозя людей с работы. Единственным отверстием в домах была дверь. (В неё входили люди, а также воздух.) Дома выросли в высоту, оставшись одноэтажными. Ещё играли дети, прыгая вверх, к потолку. Кувыркаясь, их тела чертили в полумраке комнат разнообразные линии.

Жёсткая сила уверенно кралась по улицам, слышала как дети бились, стремясь к потолку. (Она не волновалась.) Она всех успокаивала, погружая в сон.

Здесь, достигнув спокойной точки и исчерпав тему вступления, рассказ, казалось бы, последовательно развиваясь, имеет право заняться персоной, упоминающейся в первой фразе. Думается, однако, что еще один взгляд на сеть притоков ведущих к главному течению (можно позволить себе), отложив на несколько строк знакомство с мечтателем и соней, через одно постигающим другое, познающем значения слова Traum.

Игнорируя усилия светила, неустанно катившегося с востока на запад, предки довели город до темноты. Они зарывались по плечи в землю - головой по плечи, ища жертвенных животных. Радостные восклицания по поводу находки,

SOVLAB

Traum ——— Chimäre: 1. Trugbild; 2. Ungeheuer.

° Боковые тропинки.

SOVLAB

умерялись землей, набивавшей рот. Фыркая от досады, предки смотрели на светящийся предмет, мешавший посвятить таинствам сутки.

2.

Наконец Солнце, подавленное тяжестью презрения и вечного отрицания, почувствовало себя не желательным и не имеющим цены само по себе. Оно возмущается. Оно успокаивается. И не появляется больше.

Это облегчает описание. Не боясь Истории можно прыгать через столетия, которые не больше чем дни и не меньше чем (геологические) эпохи.

Произвели предки потомков? Или оставаясь собой, становились потомками самим себе? Невозможно определить заснул Карл "до" или "после". Важно успеть к пробуждению. Легкой походкой не ведающей Времени, поспешим в темноту.

Тем временем восприняв шаркающие шаги Стража Ворот - старца с ключом на левом ухе, воплощавшего Замкнутость, слух лишь несколькими толчками разбудил Карла. Юноша открыл глаза и задрожал, кутаясь в одеяло, цвета которого не видел.

По далёкому потолку шла широкая трещина, еле различимая в сумраке, со множеством неровностей - ручейков. На столе повис не колеблясь огонёк свечи. Воздух вырываясь из дрожащего рта, увлёк огонёк, заставив его плясать, пригибаться.

Это колебание воздуха. Дуновение воздуха. Мощное, пригибающее к земле. Ласково играющее волосами. Оно несёт запах соли и горячей земли, немыслимый в моей комнате. Запах больших пространств. Что такое простор? Даль, окрашенная чем-то неизвестным и воздух, гуляющий по ней - тёплый, согревающий. Что согрело, что окрасило простор?

Слышу звуки из-за замкнутых дверей. Впервые руки робко нащупали струны в пространстве. Как всё странно...

Но вот шаги - уверенно крадущиеся. Её шаги. Мысли разбегаются словно мыши. Я одеваюсь в броню злости. Только бы спастись! Она успокоит и сделает меня довольным.

Кто поможет спрятаться в сон!

Трясёт страх потерять немногое, что помогает высунуть голову из бытия и смотреть на него снаружи.

Карл, измученный, закрой глаза! Предоставь решать... Чему?

Скоро он очутился далеко, во сне, в большой клетке.

SOVLAB

SOYLAB

То был зал, составленный из некоего правильного узора, по квадратам которого ползли существа - черви с бледными лицами обращёнными кверху симметричными глазами. Путаясь в их следах, Карл скользил по полу покрытому слизью, словно по льду. Существа стали таять, струйками дыма устремлялись вверх и обрисовывали невидимые человеческие фигуры с поднятыми кверху несуществующими носами. Потолок раскрывался под давлением невиданного света и острые лучи, они казались Карлу карающими копьями, заструились вокруг (него), стремясь пройти сквозь него, чтобы осветить всё, но беспомощно отскочили от освещенного лишь снаружи, оставив Карлу возможность укрыться во внутренней последней темноте. И все же ласка света прочищала потайные места памяти беспощадным дыханием (ибо беспощаден свет Истины). Небо вбирая силу излучения светила окрасилось в нежные неизвестные цвета. Если отвести взгляд от него, глаза застилает пелена. Но нет. На этот раз это была ладонь, розовая от пульсирующей крови. Постепенно темнело и ладонь становилась прохладной и влажной.

Проснувшись, Карл не нашел трещины - её, казалось и никогда не бывало на гладком потолке. В полуоткрытую дверь проникал дым и отблески багрового пламени. —

— Горел дом в отдалённой части города и кто-то медленно лишался крова. Совершенно справедливо пожар воспринимают как несчастье и пишут о нём прерывисто дыша, заламывая руки со множеством восклицаний, обстоятельно описывая муки несчастных, скупых, героев и антигероев, в целом - динамично. В нашем же случае, пожар находится в связи с развитием неопределённой личности - Карла, поэтому с сожалением придётся отказаться от красочности, хотя рука и пробует броситься, очертя голову в "трагическую" ситуацию, уводящую от добросовестного размышления.

Итак, дом горел настолько ровно, будто две стихии и не касались друг друга. Лишь через несколько минут (?)° началось взаимодействие, гармонии пришёл конец, стены потемнели, стали слоиться. Желанное огню соприкосновение свершилось, к радости людей. Ибо как это ни странно, примчавшись сравнительно быстро, Карл увидел воздетые кверху лица и глаза, любующиеся разгулом бушевавших элементов. Да и сам обитатель

SOYLAB

дома разделял восторг остальных, твердя про себя, что никогда не видел такого великолепия! 4.

Повинуясь внезапно было возникшему (древнему) чувству, Карл ринулся в огонь, но чья-то рука задержала его на мгновение, на неизмеримо малую (?)° величину времени и этого оказалось достаточно, чтобы взгляд его не смог оторваться от зрелища.

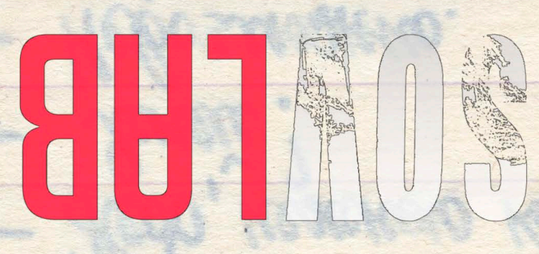
То ещё не был апофеоз упоённой толпы. Прекрасное[2] впервые открылось существам, с трудом ворочащим мысли и чувства и это всеобщее оцепенение, изумление на пороге тайны, требовало посвященного, который всегда появляется в такие моменты и кем Карл готовился стать сейчас же, набирая воздух в лёгкие.

Вдруг ледяная ладонь резко ударила его по голове и разрушающей силы этого удара было достаточно, чтобы выпустить излишки энергии из юноши и выражаясь иносказательно, "вернуть его на землю". Зачарованный движением пальцев, чертивших в воздухе разнообразные линии, Карл слушал деятельную речь другого и вопросы его, из-за остроты их, казались ему карающими восклицательными знаками. Ровное движение слов и чёткая артикуляция подавили Карла своей правильностью, правда ненадолго, в юноше мало-помалу разгорался колеблющийся огонёк сопротивления.

Спор, освещаемый вспышками огня, облёкся в исконную, извечно присущую мышлению (которое всегда подразумевает второго) форму диалога - взаимодействия двух охотников за Истиной. (Чуть не сказал за призраками. К удивлению своему заметил, что оба понятия у меня ассоциируются друг с другом. А ведь правда, что иногда, уже уверенные в скором явлении Истины, мы видим обманчивый лик призрака).

- Спокойствие. Храни покой.
- Покоен бог. Исподтишка желая утвердить превосходство своей неудовлетворенности, человек сам дал ему это качество.
- Какова твоя цель?
- Небо, нежного как детский голос цвета.
- Ясней?
- Невозможно.
- Безумие?

SOVLAB


SOYLAB

– Не укладывается в (правильный) квадратный образ мышления? Тогда Вам не понять какому закону повинуется сердце.

– Что должно быть согласно ему?

– Светило согреет простор и как только лучи обнимут человека – он счастлив. Ничья рука, опускающаяся в тарелку другому, не покажется грязной. Ничьи лохмотья не вызовут смеха и сострадания. Люди поставят на опустевшие пьедесталы наших женщин и будут дрожать от желания, глядя на их доступные, розовеющие в свете дня тела. Ничьи язвы не вызовут отвращения. Сплетаясь в единое тело – прекрасные и увечные, люди будут покачиваться в пьянящем упоении крови.

– Поклоняясь светилу? Видение твое причудливо и немыслимо. Оно беспорядочно.

– Мне чужд страх слабых – основа любви к порядку. Да и сам порядок приводит к непредвиденному – абсолютному растворению в темноте.

Я дам свободу рассыпаться массой неясных слов, понятий, поступков... Освобожу разум от тяжелых цепей. Так через меня обретут они переполняющую свободу.

– Свободу поклонения светилу? Предмету восхищения стоит переступить шаг, вот он и владыка! Приличествует равнодушие.

– К чему свобода равнодушному? Её надо желать сильнее всего!

– Задыхаясь гоняться за вечно ускользающей тенью?

– А что же? —

К тому времени пожар потух и вновь наступило молчание. Не услышав ни слова в ответ, Карл отправился домой, надеясь обрести сон. Он смотрел вперёд, боясь заблудиться, а вверху виднелась тонкая полоса вишнёвого цвета. Сознание юноши занимала мысль об отступлении.

Одно осталось утешение:

„Может увижу другой сон." —

22.2.63 – 8.4.64

SOVLAB

SOYLAB

Две могучие ветви одного дерева.

/О единстве и противоположности Л.Толстого и Достоевского/.

Критический очерк Д.С.Д.

Произведение - это credo писателя. Им проповедует он свои мысли. Автор воздействует на читателя: прямо (Bilde, Künstler! Rede auch!) или косвенно (Bilde, Künstler! Rede nicht !).

Писатель - это художник и мыслитель. Но часто одна из сторон, иногда бессознательно, бывает глубже, доминирует. Единство нарушается.

Когда произведение становится из субъективного объективным[1], т.е. делается достоянием читателей, то (если вышеприведённое единство нарушено) полно воспринимается лишь более яркая сторона.

Не избегли этого Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский - два великих писателя, показавшие с необыкновенной широтой дух русский и Россию.

Русская литература обязана своим всемирно-историческим значением прежде всего их творчеству.

„Главное свойство произведения искусства - цельность, органичность", - пишет Толстой в статье „Что такое искусство".

Чтобы добиться цельности, оба писателя, в особенности Л. Толстой, пытаются „втиснуть в „прокрустово ложе" своей философии яркие и прекрасные картины, нарисованные ими.

Цель этого очерка - показать движущий огонёк философии Л. Толстого и Достоевского, чтобы подчеркнуть яркий свет костра их художественного гения.

МИР - это Единство Противоположностей.

Два в одном.

Цели одни, пути разные.

[1] оба понятия берутся условно (Д.Д).

SOVLAB

Мысль о создании этого критического очерка принадлежит Гиви Марквелашвили! моему руководителю, в самом широком смысле слова!

[redacted]

А философская программа очерка заключена в словах "Мир - это единство противоположностей." Краше этого см. слова Гераклита в конце очерка.

SOVLAB

Глава I Пётр Великий и Россия.

О, мощный властелин судьбы,
Не так ли ты уздой железной
На высоте, над самой бездной
Россию вздёрнул на дыбы?

Жуковский.

Основные причины расцвета русской литературы XVIII - XIX вв.: прогресс культуры, достигнутый в царствование Петра I и Отечественная война 1812 г.

Прогресс был вызван определёнными условиями, которые поставили Россию в ряд передовых европейских стран. „Прорубив окно в Европу", Пётр Великий дал доступ свежему ветру европейской культуры, который влил новые силы в русскую творческую гению.

Оценка деятельности Петра была основным пунктом разногласий между двумя течениями русской мысли XIX века, пытавшимися познать, объяснить и предугадать историю России, „славянофилами и западниками." Не умея объективно подойти к спорным проблемам, западники придавали решающее значение влиянию европейской цивилизации на Россию, а славянофилы, ударяясь в другую крайность, отрицали положительность этого влияния. „Тогда как западники могли указать на общеевропейскую культуру и на подвиг Петра, как на определённый и сознательный идеал, славянофилы обречены были оставаться в области романтических смутных сожалений о прошлом, или столь же романтических и смутных гаданий будущего, могли указать только на чересчур ясные, но неподвижные и омертвевшие исторические формы, или на слишком неясные, бесплотные и туманные дали, на то, что умерло или на то, что еще не родилось."[1]

Крестьянству, привыкшему к древнему домостроевскому укладу жизни, было страшно видеть разрушение стен их обычаев, стен, как им казалось, воздвигнутых самим Христом. Так возникла легенда о Петре - Антихристе, „апокалиптическая

[1] Дм. Мережковский „Жизнь и творчество Л. Толстого и Достоевского."

Звере." Фанатики сжигали себя массами; убегали в дальние северные монастыри; лишь бы спастись от Антихриста. Это был протест испуганных солнечным светом людей, давно привыкших к темноте своего существования. 3.

Но то, чего не докончил Пётр, сделало за него время.

Новые идеи проникали в сознание людей всё глубже, возбуждая интерес и вызывая жажду знаний /der Wissensdurst/. Русским становилась родной Европа - „страна святых чудес." „У нас, русских, две родины: наша Русь и Европа.... Европа - но ведь это страшная и святая вещь!" Русскому Европа так же дрогоценна, как Россия," писал Ф.М. Достоевский.

Однако, петровские реформы еще более углубили бездну между „благородными" и народом, ту бездну, которую пытались преодолеть Л. Толстой и Достоевский. Петровские „преобразования не ломали сложившегося социально - экономического строя страны; напротив, они еще более усилили крепостную неволю и упрочили господство дворянства."[1] Поэтому дальнейший ход истории неизбежно привёл в тупик династию Романовых. Не помогли оживляющие лекарства петровских реформ.

„Петровская реформа, продолжавшаяся вплоть до нашего времени, дошла наконец до последних своих пределов. Дальше нельзя идти, да и некуда: нет дороги, она вся пройдена."[2] Безысходность и породила упадочничество, охватившее русскую буржуазную интеллигенцию, которая полностью исчерпала себя.

Поиски новых путей, новых истин, были основным мотивом философии Л. Толстого и Достоевского.

---

[1] Всемирная история т. V стр 359.

[2] Ф.М. Достоевский „Дневник писателя."

SOVLAB

Глава II Поиски истины.

Л. Толстой и Достоевский всю жизнь пытались найти истину, которая бы сладила все противоречия в России.

Произведения Л. Н. Толстого последовательно показывают все его нравственные перевороты, которые были вызваны поисками спасительной формулы.

„Детство, отрочество, юность." Писатель отражает стремление к самосовершенствованию. Любовь к себе, к своему телу и отвращение к себе - эти два чувства движут Николенькой - юношей, мечтающим делать добро.

„Утро помещика" - следующая ступень бесконечной лестницы нравственных переворотов писателя. Князь Дмитрий Нехлюдов, поняв тщету человеческих знаний, поселяется в деревне и помогает простому люду. Но мужики не верят в добрые чувства барина. После этого неудачного опыта, Толстой, а также Оленин из повести „Казаки", едет на Кавказ. Отрешение среди станичных казаков противопоставляется жизни аристократического общества. Но барин всё-таки барин. Неудачна и эта попытка. Пропасть не перейти.

Вернувшись в Ясную Поляну из-за границы, Толстой занялся устройством своего хозяйства, мировым посредничеством и сельской школой. Пусть каждый занимается устройством своего состояния и тогда „вместо бедности будет общее богатство, вместо вражды согласие... Одним словом, революция бескровная, но величайшая, сначала в маленьком кругу нашего уезда, потом губернии, России, всего мира", проповедует писатель устами Левина. Вскоре „благородное" стремление к усовершенствованию подменилось стремлением к благосостоянию только своей семьи. Будучи на вершине благополучия, граф и писатель Толстой признаётся: „Сам бы пришла волшебница и предложила мне исполнить моё желание, я бы не знал, что сказать."

И вдруг страшное роковое: Memento mori![1]

„Я испытывал ужас перед тем, что ожидает меня; знал, что этот ужас ужаснее самого положения, но не мог терпеливо ожидать конца... Ужас тьмы был слишком велик." „Я будто жил-жил, шёл-шёл, и пришел к пропасти; и ясно увидел, что впереди ничего нет, кроме погибели," пишет Толстой в „Исповеди".

[1] Помни о смерти (лат.)

V

„Alles Vergängliche
Ist nur ein Gleichniß."
/J. W. Goethe „Faust."/

„Все преходящее есть только подобие."
/И. В. Гёте „Фауст."/

„Я жалею тех, кто придает большое значение смертности всего существующего и теряется в созерцании ничтожества всего земного: да мы ведь и живём именно для того, чтобы преходящее делать непреходящим, что может быть достигнуто лишь тогда, если мы сумеем оценить и то, и другое, т.е. и смертное, и бессмертное."

(Goethe „Maximen und Reflexionen")

SOVLAB

Страх смерти вызвал новый переворот, новое перерождение." Стоит только человеку не желать иметь земли и денег, "чтобы войти в царство божье... и Толстой решает раздать имущество и сделаться нищим. (Отчаянная попытка вырваться из заколдованного круга сословности!)

Жена писателя воспротивилась претворению этого плана в жизнь. Она пригрозила мужу учреждением опекунского совета. (Толстой „от великого до смешного всего один шаг.")

Проходят годы. Великий искатель истины молчит. Неужели смирился? Наступает 1910 год. 28 октября Толстой тайно уходит из усадьбы, но в дороге заболевает и 7 ноября умирает на станции Астапово. (Смерть была последней ступенью, трагическим символом бесплодности его исканий.)

Второй путь, которым шел писатель к познанию смысла добра – это религия. Основные тезисы его христианских проповедей – „непротивление злу насилием", „самопожертвование".

Непротивление злу насилием. Платон Каратаев (проповедник непротивленства) нелепо погибает. Русский народ, ответивший на удар Наполеона более сильными ударами, изгоняет французов. И сам писатель восхваляет победу народа.

Самопожертвование. Этот тезис получил свое воплощение в образе: Вареньки („Анна Каренина"), Сони („Война и мир"), Нехлюдова („Воскресение"), Калерии („Ходите в свете, пока есть свет"). Но почему нет жизни в этих героях? Почему они так сухи? Ответ можно найти в „Казаках": „Самоотвержение – все это вздор, дичь. Это всё гордость, убежище от заслуженного несчастья, спасение от зависти к чужому счастью."

Так кто же воплощает философию Толстого. Уж не дядя Ерошка ли? У него дочеловеческая мудрость и бездонно-ясная, но в то же время в своей последней глубине темная душа языческого полубога-полузверя равна. Он все добра и зла: „По-моему всё одно. Всё ты сделал на радость человеку. Ни в чем греха нет."

Какой же путь избирает Достоевский? (Ни о каких „опрощениях" не может быть речи. Лишение собственности, телесный труд, единение с природой – всё это он испытал на деле. „Я видел народ наш, я знаю его, жил с ним довольно лет, ел с ним, работал с ним настоящей мозольной работой".

v

Л. Толстой / Детство, отрочество и юность /:

„Я убежден в том, что, если мне суждено прожить до глубокой старости, и рассказ мой догонит мой возраст, я стариком 70 лет буду точно так же невозможно ребячески мечтать, как и теперь."

Здесь Т. признаёт, что несмотря на силу своего художественного гения, он в своём богоискательстве - слабый, заблудившийся, болезненно раздвоенный человек.

v Тургенев сомневался в христианском перерождении Толстого и высоко ценил его, как великого писателя: „Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! Друг мой, великий писатель земли русской, внемлите моей просьбе."

SOVLAB

Интересно высказывание Достоевского об „опрощении" Толстого: „Не раздача имения обязательна и не одевание зипуна: всё это лишь буква и формальность; обязательна и важна лишь решимость ваша делать всё ради деятельной любви... Все эти старания „опроститься" – лишь одно только перережи-вание, невежливое даже к народу и вас унижающее.")

6.

Истину Достоевский ищет путем разума и религии (~~[illegible]~~). Герои его романов: святые и безбожники, т.е. люди, которые хотят своим разумом найти истину. Безбожники – носители противоречивых, сталкивающихся сил; при этом психологическое противоречие в душе героя, в его характере писатель иногда воплощает в образах пары самостоятельных персонажей (Иван Карамазов – Смердяков, Раскольников – Свидригайлов). Чувствуя внутри себя зародыш какого-то идейного или религиозного замысла, эти герои спешат уйти, укрыться в свою нору, чтобы там тайно произвести на свет свое верование и утверждение. Так и сидят по своим углам: Шатов с идеей русского мессианства, Кириллов с идеей Человекобога, Раскольников с идеей сверхчеловека. Итак, заглянем „в мансарды, где бледные двадцатилетние гении, одержимые преступной мечтой... вступают в схватку с последним всесокрушающим идеалом. Здесь предел, лед, чистота и ничто. Здесь не признают никаких обязательств, никаких уступок, никакого снисхождения, никакой меры и никаких ценностей... Здесь царят своеволие, непреклонность, возведенное на пьедестал отчаявшееся Я, свобода, безумие, смерть."[1]

Идея Раскольникова – сверхчеловек, русский Наполеон; властелин, могущий делать всё, что он хочет („Человеку надо одного только самостоятельного хотения, чего бы эта самостоятельность ни стоила, к чему бы ни привела"). „Свобода и власть, главное власть! Над всей дрожащей тварью и над всем муравейником! Вот цель! Тут одно только: стоит только посметь." И он делает решающий шаг (к познанию „добра" и „зла"), убивая старуху-процентщицу. Всё оказалось настолько простым, что Раскольников был подавлен: „Ему стало страшно оттого, что вообще нет ничего

[1] Т. Манн „У пророка."

SOVLAB

Л. Толстой „Наша литература не прививается и не прививается народу."

Ф. Достоевский „Я, конечно, народен (ибо направление мое истекает из глубины христианского духа народного) хотя и неизвестен русскому народу теперешнему, но буду известен будущему."

Конечно, оба писателя - народны в том смысле, что продолжали дух русского народа в русской культуре, стремились к тому, чтобы создать произведения народные и в то же время всемирно - культурные.

(Искусство - народно, общечеловечно).

Однако, оба писателя были еще слишком сложны и даже слишком сословны, может быть, именно потому, что слишком спешили выйти из сословия - „опроститься."

„Кому нужно опроститься, тот еще не прост;
кто хочет быть народом, тот еще не народ."

Д. Мережковский.

SOVLAB

страшного". Тут обнаруживается его слабость. В содержании - он властелин, а в действии - „дрожащая тварь". Раскольников не смог перенести содеянного, не удержался на вершине. На каторге, пройдя через страдание путь к богу, Раскольников признаётся (еще не умер в нём безбожник): „Конечно, сделано уголовное преступление; конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну и возьмите за букву закона мою голову, и довольно! Не люди (настоящие властелины) вынесли свои шаги, и потому они правы, а я не вынес, и стало быть, я не имел права разрешить себе этот шаг." „Вот, в чем одном, заключает Достоевский, признавал он свое преступление: только в том, что не вынес и сделал явку с повинной."

О власти и могуществе мечтает Подросток: „Я жаждал могущества всю мою жизнь - могущества и уединения." Средство, которое он выбирает для воплощения идеи - уже не грубое внешнее насилие, а насилие внутреннее - могущество денег.

На вершины самоутверждения достигает Иван Карамазов. Он с окончательной ясностью открывает то, что лишь смутно видно в идее Раскольникова: „Надо всего только в человеке разрушить идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело. Человек возвеличится духом титанической гордости, и явится человекобог. Для Бога не существует закона! Где станет Бог, там уже место Божье! Где стану я, там сейчас же будет первое место - всё дозволено." (Здесь вспоминается фраза Ницше: „Пусть ваша воля скажет: сверхчеловек да будет смыслом земли!").

Каковы эти гордые духом герои, которые в действительности ничего не добиваются. Почему?

„Неслучайное бессилие разъедает героев Достоевского... Каждый превратил свою живую душу в какую-то лабораторию, сосредоточенно анализирует свои хотения, ставит над ними самые замысловатые опыты, - и никто, что непосредственная жизнь отлетает от извращенных хотений."[1]

Потерпев жестокое поражение, безбожники ищут утешения в религии. („Страдание вновь нас с богом сводит", пишет Данте.) Чёрт говорит

[1] В. В. Вересаев „Живая жизнь."

SOVLAB

Ивану Карамазову: „Страдание – то и есть жизнь." Достоевский признал спасительность страдания как перерождающей душу силы, выявляющей в душе человека субстанцию Христа. И всё-же героев мучают сомнения. „А что такое бессмертие, спрашивает Свидригайлов, может быть это закоптелая баня с пауками по углам." Страшные пророчества терзают „гордых". Бесплодны их искания, бессмысленна жизнь."

7а.

Для светлых нет загадок, нет вопросов. Они верują: „Все создания и вся тварь, каждый листик устремляется к слову (божьему – Д.С.Х), богу славу поёт, христу плачет... Награды же никогда не ищи, ибо и без того уже велика тебе награда на сей земле: духовная радость твоя... Люби повергаясь на землю и любовью её... Землю люби и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, всё люби..." (Такова толстовская проповедь старца Зосимы). Но что это говорит светлой Алёша Карамазов? Звучали и здесь сомнения! „Монах я,... а в бога-то вот, может быть, и не верую."

Метежность и светлость соединил в себе Ставрогин. В обоих нашел одинаковость наслаждения (женится на слабоумной девице Лебядкиной, публично сносит пощечину Шатова, не мешает убийству Лебядкиной). Этот „светлый отшельник и антихрист" „не знает разницы в красоте между какого-нибудь сладострастного, зверского шуткою и каким угодно подвигом, хотя бы даже жертвой жизни для человечества." Достоевский пишет: „Двойственность – черта, свойственная человеческой природе вообще. Это большая мука, но в то же время и большое наслаждение."

Не вытекали ли заблуждения и ошибки Толстого и Достоевского из их взглядов на человека и природу?

Желая преувеличивать значения этих ошибочных взглядов, но они, однако, сыграли большую роль в укреплении предрассудков (см. эпилог), которые тщетно пытались преодолеть великие писатели.

SOVLAB

Для героев Д. важно содержание бессмертия.
Но представления христиан, мусульман и др. рай имеет конкретное содержание, связанное с земной жизнью.
Герои сомневаются, подобно Свидригайлову (закоптелая баня): может бессмертие - это такой жуткий, мертвый безнадёжный ужас, перед которым страдальческая жизнь земная - рай?
Тут всего один лишь шаг к признанию земной жизни нужен. Д. знает это. Он пишет: может, „эта живая жизнь есть всего до того прямое и простое, до того прямо на нас смотрящее, до смешно из-за этой-то прямоты и ясности и невозможно поверить, чтобы это было именно то самое, чего мы всю жизнь с такими трудами ищем."

Жизнь - не сплошной мрак непроглядный.
Бывают минуты, даже не минуты, а секунды гармонии существования. Светлые радостные мгновенья... когда чувствуешь, что немощна плоть перед такими гнётами впечатлений, что разрывается нить бытия, и когда, вместе с тем, поздравляешь всю жизнь свою с обновлением и воскресением." („Хозяйка.")
Хотя у всех эти светлые мгновенья кончаются эпилептическим припадком: „Ибо чтобы вздержать хотя бы десять секунд ослепительного счастья, нужно перемениться физически. Есть секунда и надувает припадок, потому что физическое естество человека не выдерживает."

SOVLAB

Глава III Нарушенная гармония.

„Люди живут, как живёт природа: умирают, родятся, совокупляются, опять родятся, дерутся, пьют, едят, радуются и опять умирают, и никаких условий, кроме тех неизменных, которые положила природа солнцу, траве, зверю, дереву. Других законов у них нет. Счастье – это быть с природой," проповедует Толстой. У писателя отсутствует противоположение человека природе; он любит природу как животно-стихийное продолжение своего существа. „Около меня, пролетая между листьями, которые кажутся им огромными островами, стоят в воздухе и жужжат комары; и все они что-нибудь и зачем-нибудь жужжат около меня, и каждый из них такой же особенный от всех Дмитрий Оленин, как и я сам."[1]

Героям Достоевского чужд „вечный праздник природы," они не в силах отозваться душой на ликование жизни. Хотя старец Зосима поучает: „Любите растения, любите животных, любите всякую вещь. Человек, не возносись над животными," но эти слова (причём очень похожие, надо заметить, на толстовские) не зажигают в них любви к природе.

Создав гармонию человека и природы, Толстой приносит в жертву ей гармонию человеческой личности, отделяя разум от тела. Вот как он расправляется с разумом словами дяди Ерошки: „Ты думал, он дурак, зверь-то? Нет, он умней человека, даром, что свинья называется. Он всё знает... Она свинья, а всё она не хуже тебя: такая же тварь божья... Глуп человек, глуп, глуп человек!" Так отрицает писатель разум – одну из главных отличительных черт человека от животного.[2] (Вторая, не менее главная, отличительная черта – человеческие чувства, но у Толстого разница между чувствами людей и животных почти стёрта). Там где Толстой изображает действительность, язык отличается такой простотой, силой и точностью, каких русский язык редко достигал. Но как только начинаются, по его выражению „умствования", размышления; как только дело доходит до нравственных переворотов Безухова, Левина, Нехлюдова, язык бледнеет, чахнет. Слышно косноязычное бормотание. Вот отрывок из „Анны Карениной": „Досадуя на жену за то, что сбывалось то, чего он ждал, именно то, что в минуту приезда тогда как у него сердце захватывало от волнения при мысли о том, что с братом, ему приходилось заботиться о ней вместо того, чтобы бежать тотчас же к брату, – Левин ввёл

1 Л. Толстой „Казаки".

Князь Мышкин в Швейцарии: „Пред ним было блестящее небо, внизу — озеро, кругом — горизонт, светлый и бесконечный. Он долго смотрел и терзался. Ему вспомнилось теперь, как простирал он руки свои в эту светлую, бесконечную синеву и плакал. Мучило его то, что всему этому он совсем чужой."

Юноша Ипполит („Идиот"): „Для чего мне ваша природа..... Что мне во всей этой красоте, когда я каждую минуту, каждую секунду должен и принужден теперь знать, что вот даже эта крошечная мушка, которая жужжит теперь около меня в солнечном луче, и та даже во всём этом пире и хоре участница, место знает свое, любит его и счастлива, а я один выкидыш и только по малодушию моему до сих пор не хотел понять это".

SOVLAB

жену в отведенный им нумер". Отрицая разум, как орудие познания, Толстой - дядя Ерошка насмехается над героями, использующими это орудие: „Глуп человек, глуп, глуп человек!"

Толстой живописал тело, страсти сердца, но лишил героев духовной жизни. Кого не удивляла метаморфоза происшедшая с Наташей Ростовой, обаятельнейшей героиней „Войны и мира," в эпилоге романа. „Она пополнела и поширела, так что трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу... В её лице не было, как прежде, этого непрестанно горевшего огня оживления, составлявшего её прелесть. Теперь часто видно было одно её лицо и тело, а души вовсе не было видно. Видна была одна сильная, красивая и плодовитая самка". Логический конец. Если внимательно проследить эту линию в романе, то можно заметить, как Толстой её неуклонно развивает. К примеру, на охоте: „Наташа, не переводя духа, радостно и восторженно визжала так пронзительно, что в ушах звенело. Она этим визгом выражала всё то, что выражали и другие охотники единовременным разговором. И визг этот был так странен, что она сама должна бы была стыдиться этого дикого визга и все бы должны были удивиться ему, ежели бы это было в другое время." (В этом визге Наташи слышится древний крик первобытного охотника). В эпилоге Толстой - великий творец человеческих тел и лишь отчасти душ, лишает Наташу прежнего очарования, чтобы возвести её на пьедестал „плодовитой самки," первобытной матери.

Отрицание тела подчеркивает христианский аскетизм Достоевского. Для всех его героев наступает мгновение, когда они перестают „чувствовать на себе свое тело." Напряжение духовной жизни, накаленные добела страсти ума дают им освобождение от физической оболочки, одухотворяют плоть. Герой Достоевского - это „человеческая личность доходящая до последних лучезарных вершин духовности, всюду - борьба героической воли: со стихией нравственного долга и совести - в Раскольникове; со стихией сладострастия, утонченного, сознательного - в Свидригайлове и Версилове; первобытного, бессознательного - в Рогожине; со стихией народа, государства, политики - Ставрогине, Шатове; наконец с стихией метафизических и религиозных тайн - в Иване Карамазове, князе Мышкине, в Кириллове."[1]

[1] Дм. Мережковский „Жизнь и творчество Л. Толстого и Достоевского."

SOVLAB

„Древний, прекрасный и свободный зверь громким кличем призывает к себе самку" - таков лейтмотив солнечной толстовской поэмы о красоте человеческого тела. 10.
Люди, влекомые друг к другу стихийной силой пола, соприкасаются и сливаются в единое целое.

Если инстинкт спит, если тело презирают, то это приводит к извращению, к любви-ненависти. Для героев Достоевского высшее счастье любви - это терзать любимое существо (Рогожин - Настасья Филлиповна - князь Мышкин, Версилов - Катерина Николаевна). Невесте пятидесятилетнего сладострастника (Свидригайлова - всего шестнадцать лет. Это чудовищное противоречие придаёт страсти особую остроту, но не в смысле физического влечения. Это сладострастие духа. Герои Достоевского предпочитают нравственный оргазм физическому. Классический пример Дмитрия Карамазова подтверждает это правило. Он даёт деньги Катерине Ивановне с условием, что она ему отдастся, но в последний момент говорит: „Это четыре-то тысячи на такое легкомыслие кидать! Да я пошутил-с, что вы это? Сотенки две я, пожалуй, с моим даже удовольствием."

Так разделённость духа и тела делает неспособным к цельной страсти.

Противопоставление разума плоти - религиозно. Язычество пыталось уничтожить эту антитезу путём утверждения плоти в ущерб разуму, а христианство - утверждением духа в ущерб плоти.

Нарушение гармонии человеческой личности еще раз подтверждает религиозность мировоззрения Л. Толстого и Достоевского.

SOVLAB

мысленно говорит.

SOVLAB

11.

Великий грек Сократ говорил: „ходил я к поэтам и спрашивал у них, что именно они хотели сказать. И чуть ли не все присутствующие лучше могли бы объяснить то, что сделано этими поэтами, чем они сами. Не мудростью могут они творить то, что они творят, а какою-то прирожденною способностью и в исступлении, подобно гадателям и прорицателям."[1]

Эта гениальная фраза вполне применима к Л. Толстому и Достоевскому. Философия их заключена в два круга: внутренний круг - сословности, внешний - религиозности. Преодолевая, правда редко, внутренний, они неизбежно оставались перед внешним.

Художник же перерастал все границы и предвидел то, чего мыслитель не видел, да и не мог увидеть.

---

[1] Декадентство Сократа видно и в этом изречении. Ведь важно не то, что сказал поэт, а то, как он это сказал.

Сократ не воспринимает искусство объективно, так же и мир. Он ищет причин, которых нет в объективном мире. Ведь причинность - признак узости умственного кругозора человека. Но - настоящему осознать бесконечность вселенной человек не сможет, если не преодолеет причинности.

Калмыки. 20 VI - 61 г.

„Расходящееся сходится, и из различных [тонов] образуется прекраснейшая гармония, и все возникает через борьбу."

Гераклит.

5.3 - 5.12.61

SOVLAB

отступления, от главной линии очерка.

эпиграф.

важные меда.

библиография.

о.и. Н.Я. Абрамович „Христос Достоевского"

о.и. Д. Мережковский „Толстой и Достоевский."
(I часть. „Жизнь и творчество." II часть. „Религия.")

о.и. В. Вересаев „Живая жизнь". т. I (О Толстом и Достоевском).

~~о.и. А. Жид „О Достоевском."~~

добавления.

о.и - основной источник.

SOVLAB

Овеществление

В небе появилась жёлтая точка. Лист, похожий на крыло, ласково коснулся щеки Пита и лёг на грудь, плоскую и неподвижную. Прежде чем сгнить, возвратиться, он упал в мир, расположенный в неощутимом отдалении от земли. Он упал почти на землю. Мир заполнял своим телом неощутимое расстояние, ноги уперлись в землю. Падать дальше было невозможно. Солнечный свет не проникал сквозь густую листву. В полумраке повис застывший матовый круг - его лицо. Солнца достигали вкрапленные в аллею тополя; листья их принимали и отбрасывали лучи как хрусталики, как осколки стекла, дрожа и мерцая. Жарко и тихо. Часы глухо пробили четыре раза.

Веки смачивали глазные яблоки, складывались мгновения - мгновения и в сумме, сумеречной темноте, параллельно двигалось утро.

— Спать. Ох, как спать хочется. С утра запах чистой думали. Он потянулся, трепыхая ногами. Кулаки у щёк. Локти очертили два полукруга. Правая рука наотмашь ударила по гардинам. Смялись квадраты, треугольники, кубы, и, уголками, полосами, целиком приклеилась к стёклам та же картина.

— Улица. Утро. Копия Утрилло.

Вдох - выдох. Нит приседал перед распахнутым окном. В сердце осталась ночная тревога, неясная, неотвратимая. В середине комнаты, почти заслоняя дверь, стоял платяной шкаф с зеркалом во лбу, массивный как валун. Нит одевался, искоса разглядывая отражение на полированной двери шкафа. Всегда искоса.

— Опять лицо бледное. Бледный преступник. Ха. Смех успокаивает до следующего вдоха. Со свежим воздухом меняется настроение. Он потрогал с сомнением свои румяные щёки и розовые губы.

SOV LAB

Шкаф по конструкции - сама простота. Минимум коварства. Если подробно описать его предка из 16 века - чудовище красоты в виде маленького храма с дорическими колоннами по бокам и потайными ходами и отделениями, станет ясной чистосердечность и объективность зеркальных поверхностей, в чьих 2-х измерениях Нит натягивал брюки.

Если уложить шкаф на пол и заглянуть сверху. Цветок. Несмываемый бледно-жёлтый нарцисс над водой.

Ему хотелось превратиться во что-то стабильное, реальное. Сильно потянуло. Сухое потрескивание. Извне, неровные кусочки света пробиваются в пустой, грубо скалоченный ящик. В меня. Сегодня особенно сильно потянуло, и он заторопился. Ударился об угол шкафа. Потом вне себя, хлопнула дверь. Нит сбежал по лестнице как струйка воды. Сверкнула пуговица.

Омерзительно белый дом накалило солнце. Он протёр платком тёмные очки и побрёл в сквер. Звуки были слышны издали, будто обёрнутые в вату. Солнечный свет вроде бы не проникал сквозь густую листву. Через несколько метров - кружевная тень. Узор в легчайшем движении, можно потерять равновесие. Кружится голова от пьянящей лёгкости. Внизу рассыпано красное. Красный песок из битого кирпича. Невзначай зарёд под ступню. Пронесся ветер и капли утреннего дождя, оставшиеся на листьях, забарабанили по дорожке. Прошагали тысячи ног. Сквозь частокол растений выплескивалась свежесть влажной травы; пунктиром, приседая через шаг, появлялись неподстриженные кусты со взъерошенными волосами; полыхали полосы битого кирпича. Ветки безуспешно подрезали, наносили новые штрихи на голубой фон. Дуга плавно перешла в прямую аллею. Справа, вплотную к лицу, как занесенный кулак, придвинулся взгляд.

Нит сбежал по лестнице как струйка воды. На его этаже было жарко и тихо. Темно как в русской печи. Вероятно, окно замуровал

сосед. Вероятно, исходя из своих представлений о жилье. За пальцами тянулись по перилам линии. На подушечках собирались грушевидные пятна, похожие на каплю, изображенную в школьном учебнике. Резко очерченной капли нет. На самом деле капля мелькает бесформенным кусочком и разбивается. Однако, именно зафиксированная капля пришла ему на ум, когда он спустился этажом ниже. Здесь окно открыто. Что-то сверкнуло, и это был глаз, и он выгибался навстречу блестящей пуговицей. Нит уменьшился внутренне и стремительно низвергался вниз, в чёрный колодец. Вода, поблескивавшая на дне, отодвигалась и истекло порядком времени, прежде чем он проник сквозь неё и вышел на улицу.

Дуга осталась позади. Прямая аллея посветлела, повеселела. Нит остановился и машинально преградил ладонью доступ свету в пространство между глазом и очками. Отражение исчезло. Отнял руку, появилось опять. Он выбрал скамейку в оживлённой части сквера.

Сквозь густую листву проник шум башенных часов. Они готовились пробить. Волновались одетые в зелёное с белой каймой тополя. Появлялись и исчезали пустые красно-голубые качели. Согнувшись на скамье, Нит прикасался мыслями к поверхностям, отражавшим лицо преступника, и постепенно, пройдя стадию негодования (Кто из нас - объект? Он должен отражать действительность. Вещь не имеет права на интерпретацию!), рефлексии разветвились в стороны, „растеклись по древу". Мой увеличенный глаз. На первый взгляд - расширен от ужаса. Очки прилегают плотно сверху, снизу, к крыльям носа. Остаётся один путь. В полумраке, рассеянный свет, проникая сбоку в пространство между стёклами и глазами, способствует появлению увеличенного отражения. В других условиях отражение присутствует в невидимом состоянии. Ужас - чисто внешний. Похожая на веретено, на безукоризненное бедро, сквозная точка придаёт настороженный вид. Тревога улеглась. И всё-таки, я теряю взгляд. Отражённый глаз смотрит на меня в упор, но я не могу

SOVLAB

использовать его, посмотреть на себя со стороны. Куда уходит тот взгляд? Неужели его может подобрать случайный прохожий?

Бритые щеки Пита блестели как зеркальные поверхности. Поросшие золотисто-зелёным мхом, валялись камни в искусственном беспорядке. Текла вода. Рефлексии устремились латерально. Латинское слово напомнило о наставлении друга-медика: „Запомни, соски девичьих грудей смотрят латерально. Как будто поссорились." Жизнь оставляла шанс на возвращение. Высоко в небе кружилась золотистая точка.

— Воспоминание восьмилетней давности. Потом она стала моей женой. Он медлил поднять глаза. Появилось красное. Стало свершившимся фактом. Пит рассматривал дорожку из битого кирпича. За её спиной ветки наносили безустали штрихи на голубое полотно. Она улыбалась и говорила оскорбительно радостно. Не видя выхода, Пит нырнул в ладони. Звуки слышны издали. Совсем пропали.

— . . . . . .

— . . . . . .

— . . . . . .

— . . . . . .

Гудение многоточий создавало чистосердечный фон. Изредка прорывались слоги-закорючки, вычурные, искусственные среди немой чисто-сердечности, и может быть коварные, как потайные ходы и отделения в мебели 16 века. Ветер пронесся по аллее.

Он знал наизусть единственный разговор с ней. Другие не слушал, не помнил. Повторял про себя и смеялся повторяя.

— Вы любите леденцы?

— Нет.

— Я люблю, но боюсь разбиться. Когда сосёшь их, будто морозный ветер дует в рот. Зажмурившись, мчишься со снежной горы. Не боюсь пропасть в снегу. Боюсь разбиться, если будет препятствие.

SOVLAB

— Вы его примете в себя и пойдёте дальше.
— Нет. Вы взорвёте его, разберёте и опишете.
— Нет. Вы унесёте его с собой.
— А вы ели это?
— Ел. Рот наполняет вода. Пробираешься в клетки. Хочешь выплюнуть, но уже поздно. Всё в воде. Всё - вода. Одному не осушить, и я остаюсь в воде. Становлюсь водой.
— Вы должны были чувствовать совершенно противоположное.
— Мне набивали рот ЭТИМ.

Она не уходила. Свет еле проникал. Неподвижная фигура закрывала тонкие стволы. Солнца достигали тополя; листья принимали и отправляли лучи, дрожа и переливаясь. Тихо и жарко. Её зрелое тело, питающее, удовлетворенное! Груди отвисли под тяжестью материнства. Тело свершилось. Часы глухо пробили четыре раза. Она ушла. Красное осталось.

Он не шелохнулся. Ноги вросли в дорожку из битого кирпича. Идти ниже было невозможно. Слышалось сухое потрескивание. Извне пробивались неровные клочки света. Щёки блестели как намалеванные.

Валялись мшистые камни. Текла невидимая вода. Молодая женщина взлетала к солнцу на красно-голубых качелях. Ребёнок молчал у неё на руках, глядя в небо.

Лист лёг на грудь, плоскую и неподвижную. Помедлил. Скользнул на землю. Ветер унес его из тени.

Кит не двигался. Лицо напоминало издали бледно-жёлтый цветок.

Он уже не участвовал в действе.

На солнце лежал живой зелёный лист.

9.7. - 15.12.65
(последн. ред. 19.12.66).

SOVLAB

Перемена

Пит не обедал 2 дня. Жена читала, запершись в спальне. Сегодня она пошла на базар. Приближался торжественный час - обеденный час. Кухонный стол накрыла клеёнка. В каждой клетке по красной горошине. Случайность исключена. Ежедневно, Пит механически искал свободную клеточку. Ему и в голову не приходило занять её, а самому сидеть у стола, не подавая вида, как делали рвавшиеся в автобус, которых Пит вспомнил из-за металлической сетки для провизии, похожей на сачок для ловли мотыльков. Мотыльки! Он сплюнул в сердцах на сетчатую поверхность и подхватил помидор, катившийся в бездну. И впервые за последние 8 лет, безбедные, неподвижные, он раскусил помидор, не обмыв кипяченой водой, не посолив, не вырезав тёмного с зелёным сердечком пятнышка. Жевал, ел помидор как яблоко. Томаты стукались о стол и группировались по склонностям. Трое задумали тайное. Апоплексический толстяк прижимался к изящной обтекаемой крошке. Вдруг сверху посыпался картофель, как армия, нарушающая в сонном городке закономерное теченье событий. Грязные клубни принялись грабить, насиловать, давить красоток, отчего растекались бледнорозовые слёзы и бесприютные семена скользили по занятым клеточкам.

Жена читала книгу с замком на обложке. Пит раскрыл её на той же странице. Горячий ветер гнал листья на уровне человеческого роста. Карл видел: люди спиралью закружились вверх. Осенние листья. Подхваченные ветром как сухие мёртвые мотыльки, люди с хрустом ударялись о стёкла автобуса. Сами этого не замечали. Шли своей дорогой. Карл отпрянул от выпученных лягушечьих глаз, глотающих судорожно ртов. ВНУТРЬ. ВНУУТРЬ. ВНУУУТРЬ.

SOV LAB

Последовательно наращивая У, губы - обезьяней трубочкой, рвались они исступленно: ВНУУУУУТРЬ. Книга полетела в угол как чернильница, пущенная чьей-то сомневающейся рукой. Она не посмела упасть раскрытой на ТОМ месте. Лучшее свойство вещи - послушание.

Книга валялась в углу с утра. Наступил полдень. Пообедав, Пит уселся у окна. Взвыла парадная дверь. Во дворе 2-3 тоскливых дерева. Под одним бесформенной массой прикорнула собака. С такого расстояния и не различишь. Раз нечто свернулось по-собачьи, значит это собака. Пит почувствовал холод, проникавший сквозь щели. Ветер гулял по комнате. Дверь вздрагивала, будто кто рвался снаружи. На самом деле, то был ветер. Тем не менее, он натянул на носки еще одну пару жестких от пота, шерстяных носков и повернулся было спиной к двери. (Разве никто из вас не защищался от внутреннего холода одеждой?) По снегу бегало живое существо. Пит закрыл глаза, чтобы в голову не лезли те мысли. Это собака. Существо поводило круглой курчавой головой, воспалённым носом. Это собака. Ей богу, собака. Это собака, чёрт возьми. Язык высунула. Язык был невиданного цвета, весь в асимметричных пятнах. Заострённые края языка усеивали пятна с булавочную головку, в середине большие, округлые, похожие очертаниями на материки. Вспомнил глобус, подаренный родителями. Поиграв, мальчик Пит разбил его молотком. Пришлось помучиться. Сопротивление шара, безличная неуязвимость, распалила его ярость. Мальчик Пит взял клин и шар развалился, и внутри не было ничего такого, из-за чего его стоило ломать. Мальчик бросал кусочки в огонь. Они горели долго. Глядя на язык, он будто вдохнул чад столярного клея. Затошнило от вони. Это собака. Такой собаки я в жизни не видел. По складу характера ему были чужды энергичные поиски истин. Он замечал травинки, разбросанные с умыслом. Меланхолично складывал одну к другой.

SOVLAB

Меланхоличная сумма увеличилась. Её растило простодушное стремление найти безыменное. Обреченно-безыменное. Он считал, что имя - ошибка.

Согбенные, страдальческие силуэты деревьев появлялись из-за снежной пелены. Нита охватило здоровое, как раньше, в деревне, когда жевал на морозе свежевыпеченный хлеб. Восемь лет благополучия рассеивались при виде далеко посаженных глаз, круживших по двору. Нит смотрел перед собой не оглядываясь. Сзади была жена, Карл, автобус и мотыльки с выпученными глазами. Ступни существа имели форму копыт. Не грубых, на которые набивают подковы. Розовые, нервно-нежные как женские пальцы, были копыта. Сверху вниз струилась шерсть лоснясь. Некоторая угловатость членов существа приучила Нита к мысли, что он видит мужскую особь.

Резким диссонансом ворвался в его смятенные ощущения мягкий сладострастный живот. Он протянул руки к этому белому расслабляющему ложу. Дрожали пальцы. Розоватый отблеск кожи живота невозможно было объяснить подкожным пламенем. Только такое сравнение может приблизительно передать притягательность, обретающую в случае с Нитом гипнотическую силу. Нит изогнулся дурно, по-козлиному, непристойно глазея на существо. Оно готовно повторило его движение. Нит чувствовал как он наливается кровью, становится тугим. Теперь он мог смести любое препятствие. На гребне горячих волн, катившихся в питовой черепной коробке, неслось: Чертовски привлекательное нечто. Внутрь. Поскорей внутрь.

Окно не поддавалось. Это и вправду не собака. Свинья с рогами. Свинорог. Слово - спасение. Оно пришло из глубин отчаявшегося сознания. Может быть и так. Нит успокоился. Названное явление теряет способность ужасать. Всё говорило за то, чтобы чудовище получило имя козерога. Произвольно и боязливо выбранные признаки из

SOVLAB

козерога сделали свинорога. Впереди - свиноры. Сзади - люди - листья. Оба вида хотели внутрь. Первый не выл исступленно: ууу. Он тесно приник к окну. Пит всё дольше закрывал глаза. Тяжел послеобеденный сон!

У каждого - свой фильм. С пересказанного миллионы раз, стираются краски; бледные тени сопровождают жизнь. Нечистые сны, „счастливые" минуты. В середине рабочего дня, нет-нет и выскочит крошечный зайчик, включится. Наступишь ногой, порхнет на башмак. Питу пришлось посмотреть изрядный кусок. Фильм закрутил Пита между полюсами, поднимая на уровень человеческого роста, по сю сторону непроницаемого стекла.

Солдаты без шинелей строились на лесной поляне. Обвязывали штыки тряпками. Бегом, марш! За кем? Человек бредёт, задумавшись, опустив голову на грудь. Бегут стремительно. Кружат молча вокруг него. Винтовки - прикладами вперёд. Если подымет глаза и посмотрит, они спрячут винтовки за спиной, как франты с тростью на прогулке. Тесней подходят к человеку, похожему на отца. Его глаза ждут смерти. Солдаты врассыпную. Стой! Вперед! Снова кружат. Пит, просмотрев это место раз 30 подряд, умолял, ползая на коленях: убейте, уубейте. Дело проще простого. Он выхватил у недоумевающего солдата винтовку. Содрал тряпки.

Человек, опустив голову, брёл по жёлтым листьям. Солнце золотило их. Был тихий час. Вечер медлил.

Сперва ноги Пита увлекало в сторону. Он вместе со всеми описывал круги. Потом боль палача сорвала его, и бессознательно, как пружина, Пит рванулся вперёд и с размаху вонзил штык. Острие скользнуло, ломая кость. Раздался крик.

Боже мой! Что это был за крик!

Пит его до сих пор помнит.

23.2-22.3.1965

(посл. ред. 20.12.66).

SOVLAB

ДТ

С Т И Х И

1965

SOVLAB

I

Низвергнуться
и не быть.
Скромный удел
и прохладный.

2

ТРИ СТРЕЛКИ:
Большая-минуты.
Поменьше-часы.
Еще меньше-секунды.
Годы мерить какой?
Рукой
Мельче средней?
Крупнее большой?

/I.IO/

3

Вода через край бежит.
Вода на ноги брызжет.
Отойди!
Давно полон кувшин.
Неподвижны её глаза.
Грудь живая в мраморной одежде.

/24.IO/

SOVLAB

SOVLAB

I

Низ вергнуться

4

Телу
пить воду.
Телу
есть хлеб.
  Бодрствовать-спать.
  В тумане бродить.
  Лежать на солнце.
  Сморкаться в платок.
Неумолимо
тело развеет пыльное Время.
В небытьи кричат:
где горячий песок?

5

Руки не крылья.
Куда ты мчишься,
не видя преграды?
Лбом ударяешься,
получаешь ссадины.
Больно тебе?
Это ты живёшь.
И запомни,
всегда помни:
руки не крылья.

6

ПЕЙ!
Глоток за глотком.
Скажи какая она.
Какая?
Текучая,дымная,милая.
Солнца волоски на коже.
Глоток за глотком.
Какая?
Лукавая,жестокая,дерзкая.
Невинно жестокая.

SOVLAB

7

Пассажира дурачат ночного
два карлика
в потертых шляпах
носами сонно клюют
в автобусе
сонно носами клюют.
Мигают-перемигиваются,
гнилушками рассыпаются.
На лесной поляне
Луне хвалу поют.
Поклоняются.
Режут мясо кружками.
Запивают белесой водой.

/23.IO/

SOVLAB

Стихи (1965 - 1967)

...будет пожирать его огонь, никем не раздуваемый... Кн. Иова, XX-26.

1

От вчерашних, пустые,
слов,
чуть в тени, посветлевшие строки
То - тебе

2

Пролились слёзы.
Я построил в пустыне
храм из ладоней
и долго молился.

Влага утешила.
Кровь и слёзы.
Тени удлинились
и солнце скрылось.
22.11.65

3

Когда в жизнь проникла ложь,
Белый свет заслонили тени.

И вонзилась в душу как нож,
Тяжесть сердца и сладость лени.
7.12.65

4

Голос корявый и тонкий:
вкруг ледяной колонны
тёплое кружево вьётся.

Руки грубы смущённо.

Ты в одежде глухой.
15.10.66

5 Письмо

Зарю, как спасенье, встретить, увидеть!
Ночь напролёт стерегу я восток.
Нет во мне силы тебя ненавидеть,
Девичьей крови изменчивый ток.

Тело прозрачно, истёрлось до сини.
Рёбра - лучами, как лепестки.
Плод усталый бьётся несильно.
Видно иссякли света соски.

Наново страсть сотворяет из пыли.
(Эти годы - как сердца глас).
Дни без света меня слепили.
Ночь без сна соединила нас.
15.2.67

SOVLAB

6

Шершавы весы от вопросов
в свернувшиеся часы

Илод вопрошает
тонкие стенки
волнами кремовой кожи

В безмолвии зреют иные шорохи
правят алмазные вожжи

Вспоров душу мягкую твари
дав вспышки пружину – свечение дней
уходит Оно

помедлив

Новых несёт матерей
15.4.67

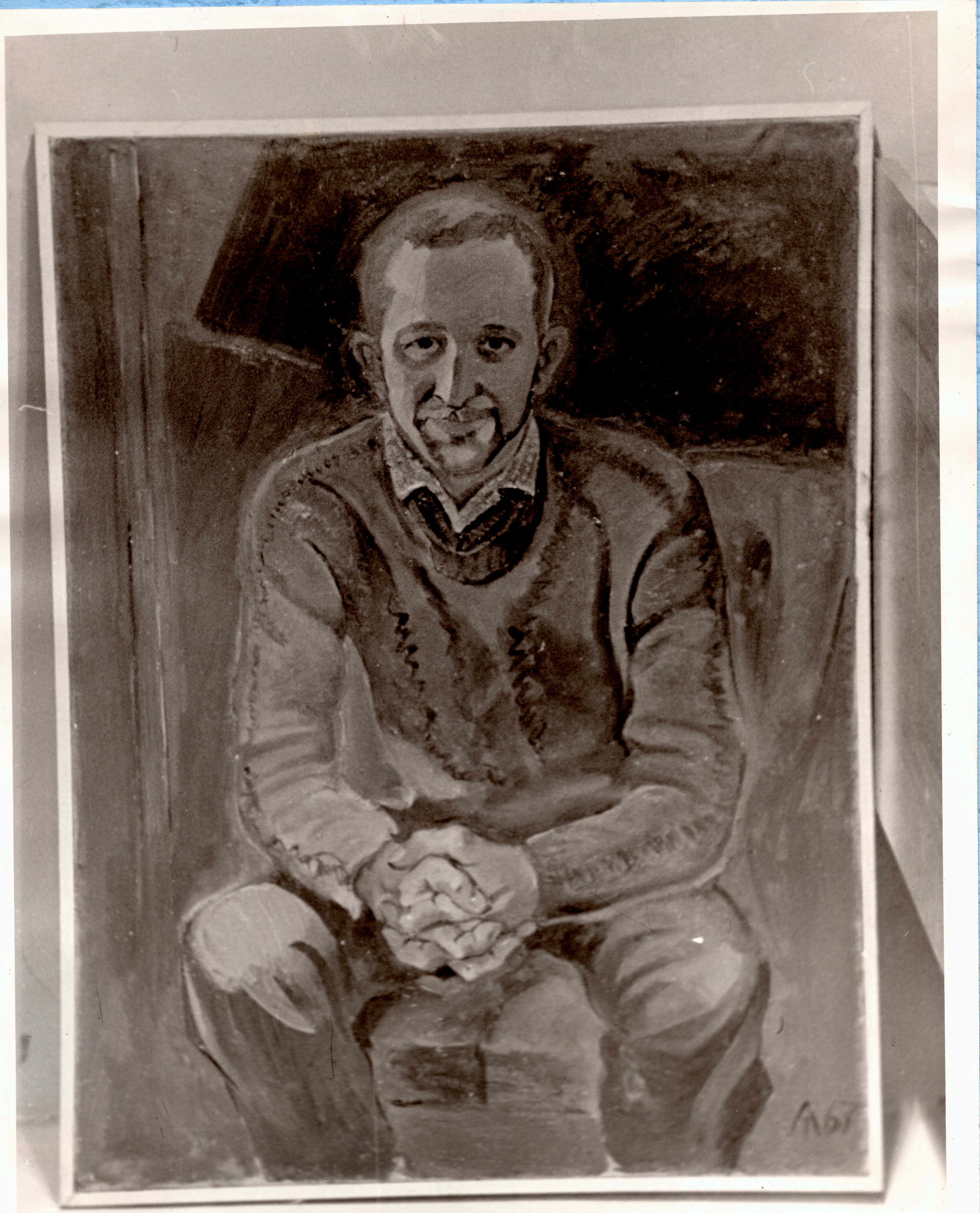
7

Быть может на мгновенье,
(долги твои часы!),
я выхватил поводья!
Недвижимы весы.

Удел: не знать ответа.
Идти.
Нет горше муки в жизни,
в пути.

октябрь 66.

SOVLAB



SOVLAB